

— Ты, наверное, не знаешь, но в старшей школе мои родители развелись. Я не хотел жить в главном доме. — Он говорил спокойно. — Тогда я сильно поспорил с отцом и отказался переезжать в другие дома, поэтому на свои карманные деньги купил этот дом и переехал сюда. Хотя я прожил здесь недолго, но он мне дорог, ведь всё здесь я выбирал сам, включая Хлорида натрия — эй, Хлорид натрия, хватит лизать людей.

Я посмотрел на полки с мангами и яркие иллюстрации на стенах, весь интерьер действительно отражал стиль Ян Чэня. Он бросил мне пижаму:

— Теперь не хочешь спать?

— Хочу, умираю от усталости, — я уже почти засыпал, держа тёплое тело собаки, и отпустил Хлорида натрия, чтобы он пошёл к своему хозяину. Сонно потирая глаза, я добавил:

— Если хочешь заняться чем-то, не обращай внимания, если я засну.

— Я что, совсем бесчеловечный? Иди в ванную в спальне, — он снова щёлкнул меня по лбу, отчего я поморщился, а он с досадой пожал плечами. — Привычка, не смог сдержаться.

Я переоделся в сухую пижаму, забрался под тёплое и мягкое одеяло, а Ян Чэнь, уже помывшись, сидел на кровати, играя на телефоне. Увидев, что я укутался и собираюсь спать, он нарочно откинул моё одеяло и втиснулся ко мне:

— Уже спишь? Поболтаем немного.

Под одеялом моя сонливость росла в геометрической прогрессии, и я чувствовал, что вот-вот усну, поэтому сказал:

— Мы уже весь вечер болтали... Дай мне поспать, пожалуйста? Выключи свет.

— Я не хочу спать.

Сейчас Ян Чэнь, сбросив маску зрелого и серьёзного человека, снова стал тем капризным ребёнком. Он упорно лез ко мне, но, к счастью, его тело было горячим, как естественная грелка. Я обнял его, легонько похлопал по плечу, как ребёнка, и тихо сказал:

— Спи, просто полежи, и сон придёт.

— Не могу.

Он продолжал настаивать, даже лёг на мою подушку, хотя кровать была большой. Я уже готов был умолять его:

— Играй в свои игры, дай мне поспать, ладно?

Ян Чэнь отложил телефон, опёрся на локоть и смотрел на меня. Я, прищурившись, видел его блестящие глаза:

— Если ты уснёшь, мне будет скучно играть.

Боже — я действительно был на грани. Кто бы мог подумать, что Ян Чэнь вдруг решит так мучить меня из-за своего каприза. Я с трудом сел:

— Здесь же не одна комната, я пойду в гостевую.

— Я же шучу, возвращайся.

Ян Чэнь схватил меня за руку, и я снова упал на кровать, уткнувшись лицом в подушку, как страус, прячущий голову в песок, и простонал:

— Ян Чэнь, умоляю, дай мне поспать!

Лёгкий щелчок, и комната наконец погрузилась во тьму.

Я перевернулся на другой бок, а Ян Чэнь спокойно лёг на свою подушку, но всё ещё делил со мной одно одеяло. Я давно не спал с кем-то — за исключением тех редких случаев в старшей школе. С Ян Чэнем мы обычно занимались сексом и расходились, не оставаясь на ночь; с Андреем было ещё проще — после секса я просто возвращался в свою комнату. Такой простой сон под одним одеялом, когда рядом лежит живой человек, был для меня непривычным. Но я всегда хорошо спал и не был привередлив, так что одно одеяло — не проблема, тем более оно большое, и это как бесплатное отопление.

Я зевнул и, прежде чем уснуть, едва коснулся его пальцев, как благодарность за то, что он наконец оставил меня в покое:

— М-м, спокойной ночи.

Ян Чэнь, видимо, привык к своему ненормальному графику, и заставить его уснуть так рано было невозможно. Он не стал брать телефон, но через некоторое время снова заговорил, бормоча что-то мне в ухо, но его голос становился всё тише, пока я окончательно не перестал его слышать:

— Сюй Цзюньян, ты всё время притворяешься дураком, так рано засыпаешь, как старик, и выглядишь во сне ужасно, только бы не пускал слюни на меня...

«Я не пускаю слюни во сне». Это была моя последняя мысль перед сном.

— Ты спрашиваешь, что самое привлекательное?

Я посмотрел на Линь Я, которая была рядом, с милым зайчиком на заколке. Она, смеясь, трясла мою руку:

— Скажи, я не проболтаюсь.

— Дай подумать...

— Губы Андрея.

Сегодня утром.

— Это международный праздник.

— Ты уже не ребёнок, — я безразлично сказал Андрею. — Поэтому тебе не нужно отмечать День защиты детей.

Он молча увеличил громкость телевизора, где шла детская передача. Музыка из «Весёлой лягушки» и «Снежинки» заполнила гостиную, и я, снова обрезав не ту ветку, в ярости швырнул ножницы:

— Андрей! Ранним утром, можешь обеспечить тишину, когда я занят?

— Ты можешь перенести цветы в кабинет, — его китайский становился всё лучше, и он всё чаще ставил меня в тупик. — Я хочу смотреть передачу.

Я уставился на телевизор, где прыгали лягушки, и шагнул перед ним, закрывая экран:

— Детский канал?

Андрей молчал. Я постоял немного, но в конце концов сдался:

— Ладно, я виноват, как ты хочешь отметить День защиты детей?

Он поднял на меня глаза и медленно, как в замедленной съёмке, коснулся своих губ. Его кожа была бледной, поэтому губы тоже казались светлыми, но их форма была идеальной для поцелуев. Видимо, в детстве ему не хватало соски, и он любил что-то держать во рту — я слишком часто видел, как его красивые губы обхватывали мой сосок, сначала нежно лизали, а затем начинали сосать — хватит, я не хотел погружаться в эротические мысли с утра, поэтому покорно сел на его колени и наклонился, чтобы поцеловать его бледно-розовые губы.

Этот поцелуй был коротким, лишь лёгкое прикосновение, но Андрей, недовольный, придержал мою голову, чтобы углубить его. Я упёрся лбом в его лоб и шёпотом сказал:

— Хватит, на этом всё. Дети должны вести себя как дети.

Я сам засмеялся, всё больше увлекаясь этой шуткой, и свалился на диван. Андрей смотрел на меня в недоумении. Я терпеливо сказал:

— Повтори за мной: «Юй нюй у гуа».

Он посмотрел на меня и, сомневаясь, повторил:

— Юй... юй нюй у гуа.

— Прости... — я захохотал, сползая с дивана на пол. — Ты просто прелесть.

Он наклонился и поцеловал меня в губы, затем ещё раз.

— Руки Ян Чэня.

Это было в прошлом году.

Руки Ян Чэня были невероятно красивыми, с длинными пальцами и чёткими суставами. Из-за занятий боевыми искусствами они не выглядели изящными, но были полны силы. В старшей школе на его руках часто были синяки от драк, и я аккуратно заклеивал их пластырями. Но теперь, глядя на его руки, я вспоминал, как они крепко держали меня за талию, как пальцы проникали в мой рот, чтобы смочить их перед дальнейшими действиями, и поэтому его руки казались мне очень эротичными.

— Сегодня День защиты детей, — я взглянул на телефон. Ян Чэнь, одетый только в брюки, сидел на кровати и играл. Услышав мои слова, он лишь через некоторое время пробормотал:

— Угу.

Я продолжил:

— Ты знаешь, что я сегодня смотрел? Детскую передачу на канале, где весь день пели «Весёлую лягушку» и «Снежинку», и каждый год одно и то же.

— Я тоже могу спеть, — он равнодушно сказал, затем вдруг сел прямо. — Чёрт, мои тиммейты идиоты, я умер.

Он с досадой швырнул телефон на кровать и повернулся ко мне:

— Хочешь послушать?

— Что? — я просто говорил вслух, пока Ян Чэнь играл, и не ожидал, что он обратит внимание. Он смотрел на меня с недоумением:

— «Весёлую лягушку».

Я рассмеялся:

— Серьёзно? Тогда давай что-то другое, я уже устал от неё.

— Я знаю много песен, выбирай, — он положил голову на руку и с самодовольством смотрел на меня. Я не понимал, почему он этим гордится, но вдруг он потянул меня к себе. — Подвинься ближе, чего ты так далеко, я же тебя не съем.

Я всегда привык лежать на краю кровати, сам того не замечая, создавая границу между нами. Теперь мне пришлось прижаться к нему, позволив ему бездумно сжимать мои пальцы и даже сравнивать размеры наших ладоней.

— Моя рука чуть больше, — он объявил. — Но это нормально, я ведь выше тебя.

<http://bllate.org/book/16832/1548415>